

Никоненко Сергей Витальевич

доктор философских наук,

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

serg_nikonenko@rambler.ru

РОРТИ, ГЕГЕЛЬ И ХАЙДЕГГЕР: ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ОДНОВРЕМЕННО ГЕГЕЛЬЯНЦЕМ И ХАЙДЕГГЕРИАНЦЕМ?¹

В статье проводится анализ воззрений крупнейшего представителя неопрагматизма в аналитической философии Р. Рорти на философию Г.В. Гегеля и М. Хайдеггера. Показано, что Рорти заимствует идеи обоих мыслителей, но при этом его рецепция остается критической. Рорти переописывает идеи Гегеля и Хайдеггера в духе постмодернизма, приспособлявая их концепты к своим философским убеждениям. Также показано, что между Гегелем и Хайдеггером наблюдаются существенные различия в понимании историко-философского процесса, которые не обнаруживает Рорти. Делается предположение: вследствие различий в том, как Гегель и Хайдеггер понимают предмет философии и ее историю, для аналитического философа затруднительно быть одновременно и гегельянцем и хайдеггерианцем.

Ключевые слова: Рорти, Гегель, Хайдеггер, аналитическая философия, история философии.

Nikonenko S.V.

RORTY, HEGEL AND HEIDEGGER: WHY IT IS DIFFICULT TO BE BOTH A HEGELIAN AND A HEIDEGGERIAN?

The article deals with the analysis of the Richard Rorty's views on Hegel's and Heidegger's philosophy. It is supposed that Rorty takes ideas both Hegel and Heidegger, but he puts on the critical reception of them. Rorty re-writes Hegel's and Heidegger's ideas in the spirit of postmodernist relativism. It is shown that there is the discrepancy between Hegel and Heidegger in the understanding of history of philosophy, especially of early Greek philosophy. It is supposed that it is difficult to become both a Hegelian and a Heideggerian because of the difference in their views on the history of philosophy.

Keywords: Rorty, Hegel, Heidegger, analytical philosophy, history of philosophy.

В своих широко известных работах Ричард Рорти неоднократно называет себя последователем Гегеля и Хайдеггера, часто упоминая немецких классиков философии вместе. В этой статье мы рассмотрим вопрос о влиянии идей Гегеля и Хайдеггера на философскую систему Рорти. Мы также попытаемся показать, что на самом деле для аналитического философа затруднительно быть одновременно гегельянцем и хайдеггерианцем вследствие несовместимости историко-философских положений Гегеля и Хайдеггера. Кроме очевидного плана сопоставления (Рорти, Гегель и Хайдеггер) в статье вырисовывается еще один важный компаративистский план: Хайдеггер и Гегель.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли».

Рорти считает, что существенно изменил предмет философии, совершив *историцистский* поворот, внося в идею философии горизонт ее историчности. Рорти пишет: «Молодой Гегель покончил с традицией, идущей от Платона к Канту, и положил начало новой традиции иронической философии, которая продолжается Ницше, Хайдеггером и Деррида. Эти философы определяют свои достижения через свое отношение к предшественникам, а не через свое отношение к истине» [4, с. 110]. Вначале Рорти высказывает общеизвестную точку зрения о том, что после Гегеля философия существует не в форме неизменного в своей сущности предмета, а в форме последовательно сменяющих друг друга исторических эпох. Но далее Рорти упоминает Хайдеггера, а также пишет об «иронической философии». В чем суть такой философии? Под иронией здесь понимается убеждение во временности, относительности и индивидуальном существовании любой философской теории, причины популярности которой могут быть зачастую случайными. И вот тут перед нами встает вопрос: какое отношение имеют Гегель и Хайдеггер к понимаемой так иронии?

Рорти меньше всего стремится к вчитыванию в гегелевские тексты и работе с ними. Он практически нигде не цитирует Гегеля. Рорти берет Гегеля в двух аспектах. С одной стороны, Гегель – основоположник духа «модерна» в философии, если использовать понятие Ю. Хабермаса. Гегель учит о том, что философия, хотя и является диалектически развивающимся понятием, не имеет *неизменного* предмета, понимаемого как метафизика с набором основных категорий. Заимствуя этот аспект, Рорти подчеркивает, что он не согласен с гегелевской идеей *Geistesgeschichte*. Историчность философских систем, хотя и подразумевает взаимосвязь между ними, у Рорти строится по принципу, который аналогичен пониманию истории цивилизаций. Каждый век восходят новые философские системы. Старые же системы *вымирают*, хотя их «руины» могут долго поражать воображение и привлекать исследователей. В одном месте Рорти предположил, что «Гегель и Кант воспринимали философию во многом слишком серьезно» [4, с. 10]. Под «серьезностью» Рорти понимает свойственную «континентальной» философии веру в субстанциональность разума, укорененного в бытии. Хотя после историцистского поворота Гегеля философия стала зависима от своего жанра и исторической сцены, она, в «немецком» понимании, упорно держится за убеждение в том, что абстрактно-спекулятивное повествование занимает особое, высшее место в языке наук. И тут у Рорти остается существенное расхождение с немцами: для него приоритетным является аналитическое и прагматистское понимание языка философии, в котором логика и эмпирический метод всегда стоят на первом плане – даже в столь релятивистской модификации этого языка, которую предлагает Рорти. Поэтому трансцендентальный подход и онтология для Рорти остаются чуждыми, непонятными. Намеренно не пытаясь вникнуть в суть, Рорти берет идеи Гегеля и Хайдеггера в тех аспектах, которые импонируют его учению.

Здесь важно понять, что вольное, избирательное принятие Гегеля и Хайдеггера, которое демонстрирует Рорти, – огромный шаг вперед к сближению аналитической и континентальной философских традиций. В Гегеле и Хайдеггере Рорти видит только субъективных интеллектуалов, но он поворачивается к ним, а не к логицизму в собственной аналитической традиции. Рорти, поэтому, – выразитель преодоления современного феномена в философии, которое М. Фридман назвал «различием противоположных (и взаимно непонимающих) “двух культур” – культуры научно мыслящих людей и культуры “литературных интеллектуалов”» [7, с. 6]. Не переставая оставаться философом-аналитиком (при всех своих выпадах против аналитической эпистемологии), Рорти стремится «навести мосты» между двумя крупнейшими традициями.

Аналитическая философия, как известно, своим возникновением во многом обязана критике идей английских гегельянцев; поэтому радикальное неприятие Гегеля вплоть до Рорти было ярко выраженной чертой всех классиков этой философии. К примеру, Рассел в своем очерке о Гегеле делает особый акцент на своем несогласии именно с *языком*

немецкого философа. «Работы Гегеля – одни из самых трудных произведений во всей философской литературе. И это не только вследствие природы обсуждаемых тем, но также из-за неуклюжего стиля автора. Утешения, доставляемого встречающимися иногда блестящими метафорами, недостаточно, чтобы компенсировать общую неясность», - пишет Рассел [2, с. 373]. А. Айер, вторя Расселу, начисто лишен его академической сдержанности, высказывая общий посыл аналитической традиции гораздо откровеннее. Он утверждает: «Многое в высказываниях Гегеля, не говоря об интеллектуальных излишествах таких новейших шарлатанов, как Хайдеггер и Деррида, буквально бессмысленно. Мне очень грустно от того, что их чушь становится популярной в нашей стране и особенно нравится людям, которые ошибочно принимают темноту за глубину и находят серьезную работу таких первоклассных американских философов, как Куайн, Гудмен, Патнэм и Дэвидсон, слишком трудной» [10, р. 3]. Обратите внимание, что у Айера, как и у Рорти, Гегель идет в связке с Хайдеггером. Последний для Айера – достойный наследник спекулятивной метафизики, суждения которого совершенно не подлежат какому-либо доказательству. Поскольку Айер высказывает свое мнение в преклонном возрасте, он успевает подметить тот для него печальный факт, что аналитическая философия «размывается» благодаря экспансии континентальной философии, что Хайдеггер постепенно становится «модной темой» аналитической философии (особенно в США), в ущерб развитию собственной традиции и изучению собственных классиков.

Возвращаясь к Рорти, мы уже не видим отчуждения от Гегеля. Хотя Рорти, как мы уже показали, использует идеи Гегеля довольно вольно и субъективно, для него уже немислимы критические пассажи Рассела и Айера. Это позволило такому крупному американскому исследователю гегельянства, как Т. Рокмор, предположить, что, при всей парадоксальности, именно Рорти возобновил традицию научного изучения наследия Гегеля в англоязычных странах, прерванную в начале XX века и замененную узко партийным, идеологически окрашенным подходом к Гегелю [3].

Теперь можно перейти ко второму плану нашей статьи: анализу воззрений Рорти на философию Хайдеггера. Мы попытаемся показать, что Рорти:

- стремится органично включить идеи Хайдеггера в свою систему, и в этом отношении он самый яркий «хайдеггерианец» во всей аналитической философии;
- заимствует по преимуществу идеи позднего Хайдеггера «герменевтического» характера, не покидая области философии языка и, в свою очередь, оставляя без внимания онтологию;
- ставит на первый план не строгое исследование, а переописание идей Хайдеггера, то есть заимствует его в «постмодернистском» ключе – трактуя по-своему, а порой весьма неоднозначно видоизменяя;
- столь активно включая идеи Хайдеггера – крупнейшего «континентального» мыслителя, при всем неоднозначном отношении аналитического сообщества, становится выразителем новой, характерной тенденции – сближения позиций аналитической и континентальной философии.

Рорти выводит Хайдеггера как философа новой формации, для которого на первом месте стоит не творение очередной философской системы, а *приватное* рассмотрение интересующих метафизических вопросов. Это особенно ярко проявляется при работе с наследием классиков философии. Хайдеггеру с самого начала следовало бы «открыто говорить о том, что его на само деле заботило: о его собственном, особенном, приватном чувстве долга по отношению к отдельным философам прошлого», - пишет Рорти [4, с. 147]. Хайдеггер представляется как мыслитель, который сознательно не включает себя в «общий поток» эволюции философских идей, ставящий себя «по ту сторону» этого процесса.

Отсюда Рорти совершенно оправдывает весьма неоднозначную с историко-философской точки зрения теоретическую позицию Хайдеггера, ищущего в античности или новоевропейской мысли либо союзников, либо противников своей позиции. Теоретическая ангажированность истории философии Хайдеггера, поделившего философский мир на «подлинных» мыслителей древнегреческого периода и «забывших бытие» метафизиков Нового времени позволяет проводить довольно смелые параллели с идеями Фридриха Ницше, чем постоянно занимается Рорти, часто перечисляя имена Ницше и Хайдеггера через запятую. Для Рорти Хайдеггер философ, который ставит на первый план не теоретическое мышление, а свою исследовательскую волю. Он *выбирает* в философском наследии тот план, который, конечно, с его точки зрения, выражает «истину бытия», но, на самом деле, как разоблачает Рорти, просто лично импонирует той метафизической позиции, которая заложена в «Бытии и времени». Ситуация, наводящая ужас на академическую историю философии – когда Парменид и Гераклит мыслят в терминологии онтологии Dasein, для Рорти оказывается *нормальной* практикой творческого переписания постмодерна, у истоков которой и стоит Хайдеггер.

К тому же Рорти остается довольно индифферентным к онтологическим изысканиям Хайдеггера. Его гораздо больше увлекает хайдеггеровская философия языка. Это обусловлено не только чуждостью Рорти по отношению к немецкой онтологии, но и общим характером аналитической философии, в рамках которой *язык* является важнейшим, а порой и самым главным понятием. В лице Хайдеггера Рорти видит прямого предшественника созданной им теории *лингвистического релятивизма*, которая на практике выражается в допущении стихийного и случайного плюрализма языковых дискурсов. Ключевым пунктом трактовки языка у Хайдеггера Рорти делает доказательство положения, что немецкий философ не стремился создать очередную теорию Языка как основополагающей метафизической сущности, сосредоточившись на анализе частных языковых практик. Он пишет о Хайдеггере: «Он вынужден, таким образом, принять точку зрения на язык, которая является не только анти-витгенштейнианской, но и анти-локковской, точку зрения, которая стала малоизвестной с тех пор, как спекуляции XVII века об “адамовом” языке постепенно сошли на нет. Для Хайдеггера философская истина зависит от самого выбора *фонем*, от самих *звуков* слов» [4, с. 152] (Витгенштейн здесь имеется в виду как автор «Логико-философского трактата»). В своей монографии «Эйдос и концепт» [1] мы попытались показать, что для Хайдеггера характерна свойственная герменевтике трактовка языка как «выражающей себя» речи, а отдельного слова – не столько как понятия, сколько как символа. Подобный характер лингвистических изысканий отмечает у Хайдеггера Рорти. Для него Хайдеггер – не теоретик филологического или историко-философского изучения философских терминов (той же античности), а, скорее, *интерпретатор* этой терминологии, творец *собственного* комментаторского дискурса, который либо выдается за действительность самой описываемой философии, либо вообще не выясняется с точки зрения вопроса о правдоподобии. Получается, что Рорти принимает одну из самых спорных особенностей философии Хайдеггера, которая вызывала критику даже его явных сторонников, а именно: «ненаучное» с точки зрения классической филологии оперирование греческими и латинскими философскими понятиями. В сущности, Рорти столь же вольно порой обращается с терминологией аналитической философии; и в Хайдеггере он усматривает не просто союзника, а выразителя *характерной* черты современной философии, в рамках которой на первый план выходит не научное изучение понятий и систем, *выстраивание диалога*, что Рорти неоднократно именует «разговором», заочной беседой с мыслителями прошлого.

Поскольку Хайдеггер отходит от свойственной немецкой метафизике идеи философии как науки, он неизбежно переходит на позиции маргинального творчества, что и стремится показать Рорти. Он отмечает: «Хайдеггер – величайшее теоретическое воображение своего времени (вне сферы естественных наук): он добился возвышенного, к которому он стремился. Это, однако, не помешало тому, что он остался совершенно чуждым тем людям, которые не разделяют его ассоциаций. Для таких как я, которые их разделяют, он представляет собой показательную, гигантскую, незабываемую фигуру» [4, с. 157]. По Рорти, в современной философии складывается новый «принцип партийности»: дилемма между сторонниками наукообразной, академической философии (которая по преимуществу существует и преподается в университетах) и сторонниками маргинальной философии, не считающейся ни с чем, кроме теоретического выбора исследователя. Ко второму типу Рорти и относит Хайдеггера, что само по себе неоднозначно: ведь Хайдеггера, порой сознательно устранившегося от академической философии, отказывающегося «поехать в Берлин», вряд ли уместно поставить на одну плоскость с «типичными» постмодернистами наподобие Деррида или самого Рорти. На наш взгляд, несколько ошибочно допускать, что Хайдеггер руководствуется *собственным* выбором при интерпретации. Наличие независимой, неординарной, неортодоксальной позиции, что прослеживается у Хайдеггера, еще не позволяет превратить немецкого мыслителя ни в сторонника, ни даже в явного предшественника теории дискурса и теоретика свободы субъективных переописаний. Поэтому здесь мы можем признать, что для Рорти Хайдеггер оказывается *образом*, выразителем, прямым предшественником постмодернистских и, в частности, релятивистских тенденций в отношении к языку и истории философии, свойственных самому Рорти.

Нельзя сказать, что Рорти полностью принимает хайдеггеровскую философию. В некоторых чертах он подвергает ее критике. Хайдеггер для него остается выразителем чуждой, немецкой, гегельянской по духу, «континентальной» идеи *Geistesgeschichte*, подхода к философии с точки зрения всеобщности концептуальной базы, а к истории философии – с точки зрения всеобщности происходящих в ней процессов. Здесь уместно вспомнить метафору, которую Рорти приписывает В. Набокову в отношении трактовки литературы. Как Набоков не приемлет литературу «больших кубов» (то есть учение о наличии господствующего стиля), так и Рорти не приемлет учение о всеобщности историко-философского процесса. Поэтому он усматривает у Хайдеггера «либерализацию», но никак не отказ от *Geistesgeschichte*. В этой связи он иронично пишет: «Едва ли не всякий, кто был очарован драмой идей, которую Хайдеггер развернул на сцене истории западной метафизики, впоследствии находил слегка подозрительным то обстоятельство, что пресловутое Бытие у чтимого ими автора столь тесно переплелось с университетской программой начала XX века» [6, с. 103]. Для Рорти Хайдеггер оказывается исключительным по степени своей творческой свободы немецким метафизиком, сопоставимым, пожалуй, только с Ницше. Но, вместе с тем, Хайдеггеру недостает свободы выбора тем; он оказывается слишком «традиционным», вписываясь то в феноменологию, то в экзистенциализм, то в герменевтику. Рорти видит, как сила традиции «подмяла» под себя творческий порыв, «воображение» Хайдеггера. Однако и сам Рорти оказался в такой же неоднозначной ситуации. Позиционируя себя как соратник Фуко и Деррида, как «вольный» и «свободный от направления» философ, Рорти постепенно оказывается вписавшимся в неопрагматистское направление аналитической философии. Он оказывается последователем Куайна и Дэвидсона. Ситуация усугубляется тем, что Рорти сам желает быть не только вне всех направлений (и даже вне аналитической философии), но создателем «школьной» по своей сути теории, которую он выражает в написанной в академическом

стиле книге «Философия и Зеркало Природы». Тем самым, борясь с классикой, Рорти оказывается *классическим* мыслителем – как выразитель сущности аналитической версии постмодернистской философии языка.

Рорти одним из первых в аналитической философии начал теоретизировать о Хайдеггере и привлек к этой теме значительное внимание. Здесь мы задаемся вопросом: можно ли считать Рорти *американским хайдеггерианцем*, наподобие того, как, к примеру, можно считать В.В. Библихина хайдеггерианцем русским?

Рорти пишет: «Постнищенские философы, такие как Витгенштейн и Хайдеггер, занимаются философией для того, чтобы выявить универсальный и необходимый характер индивидуального и случайного. Оба философа запутались в перебранке между философией и поэзией, начало которой положил Платон, и оба завершили попыткой найти благородный предлог, оправдывающий капитуляцию философии перед поэзией» [4, с. 50]. Налицо явное переописание философской позиции Хайдеггера в том отношении, что немецкий философ представлен в образе последователя Ницше, а значит сторонника субъективизма и иррационализма. В текстах Рорти связка «Ницше – Хайдеггер» присутствует постоянно, хотя никаких теоретических выводов американский философ не делает. Для него важны не столько идеи, сколько *тип* философии, «ироническое» стремление предлагать приватный философский проект. Рорти постоянно подчеркивает, что философия Хайдеггера базируется на воображении, причем воображении субъективном, частном. Хайдеггер отводит ключевую роль поэзии, но, в интерпретации Рорти, эта роль явно преувеличена. «Определение Хайдеггером “человека” как “поэмы Бытия” было великой, но безнадежной попыткой спасти теорию, опозтезивав ее», – замечает Рорти [4, с. 158]. Хотя и для Рорти философия тесно связана с литературой, она все же выступает теорией, а не «поэмой».

Гораздо перспективнее нам кажется положение Рорти, где он утверждает, что Хайдеггер отошел от *универсализма* в понимании языка. Рорти пишет: «Ранний Хайдеггер и поздний Витгенштейн отвергли допущение (разделявшееся их предшественниками – соответственно, Гуссерлем и Фреге), что социальная практика – и, в частности, употребление языка – может получить непричинное, специфически философское объяснение в терминах условий возможности» [5, с. 337]. Рорти пытается доказать, что Хайдеггер и Витгенштейн являются последовательными плюралистами. В этом есть рациональное зерно; если мы будем сравнивать Хайдеггера и Витгенштейна с метафизическими теориями Гуссерля и Фреге. Придя к иным философским основаниям, ни Хайдеггер, ни Витгенштейн, на наш взгляд, не пришли к убеждению о том, что язык должен пониматься исключительно дискурсивно, а метафизика должна быть отброшена. На место идеалистической метафизики своих предшественников Хайдеггер поставил новую проблему, которая значительное внимание уделяет лингвистическому дискурсу, все же не подменяя философские проблемы анализом языка. Рорти вообще не считает Хайдеггера «философом языка» в аналитическом смысле слова. Он пишет: «Напротив, в “Бытии и времени” термин “язык” играет очень малую роль, а появляясь в § 34, подчинен “речи” и тем самым *Dasein*’у <...> Хайдеггер отчаянно пытается мыслить разные дома бытия, в которых обитают человеческие существа, как “дары бытия”, а не как “человеческие самопонимания”» [5, с. 341].

Читая Рорти, мы должны учитывать, что его нельзя считать историком философии в академическом смысле понимания этого жанра. Рорти интерпретирует и сопоставляет Хайдеггера вольно, исходя из своего убеждения, что возможны практически любые авторские переописания. Именно поэтому Рорти может быть отнесен к философам-

постмодернистам; он реализует субъективистский проект философии, видя в философии один из «приватных» дискурсов. В этой связи, сопоставления Рорти могут быть ценны именно гипертрофированным развитием тех скрытых умонастроений, которые теоретически могут быть приписаны Хайдеггеру. Аналогично обстоит дело и тогда, когда Рорти приписывает позднему Хайдеггеру создание всеобщей теории языка. Он пишет о Хайдеггере: «В результате он стал говорить о языке как о квазибожественности, в которой мы живем и движемся и имеем свое бытие» [5, с. 326]. Общеизвестно, что Хайдеггер считает поэзию и метафизику выразительницами истины бытия, которые высказываются через язык. Тонко подмечая языковой фетишизм Хайдеггера, его стремление говорить «от имени бытия», Рорти, как нам кажется, гипертрофирует хайдеггеровское стремление к созданию завершенной герменевтики. Тем более что Рорти довольно иронично относится к претензиям Хайдеггера на установление истины бытия. Рорти считает, что философия Хайдеггера – лишь отдельный проект, определенная философская позиция, о которой он пишет: «Нет, она просто очередной элемент в длинном ряду самопониманий. Хайдеггеровское – это только дар Хайдеггера нам, но не дар бытия Хайдеггеру» [5, с. 344].

Рорти повторяет суждение Жака Деррида о «хайдеггеровской ностальгии» [4, с. 335], поскольку не хочет превращения хайдеггеровской философии в новую метафизику. Рорти повторяет и суждения Набокова о неприятии «больших стилей» в литературе, экстраполируя его мысли на сферу философии. По мнению Рорти, роль Хайдеггера постепенно меняется: из мыслителя-бунтаря, философа экзистенции и «приватного совершенства» образ Хайдеггера эволюционирует в сторону новой «мудрости», а язык Хайдеггера постепенно превращается в набор «общих мест» (что, к примеру, подметил А. Бадью). Тем самым, Рорти выступает не против самого Хайдеггера, а, скорее, против превращения философии Хайдеггера в форму «новой схоластики», помещение этой философии в центр нового «дискурса», превращение ее в «классическую основу» стиля. «Если только не страдать от того, что Деррида называет “хайдеггеровской ностальгией”, тогда будет невозможно принимать наши “интуиции” за большее, чем обычное употребление определенного репертуара терминов», - считает Рорти [4, с. 45].

Если можно допустить вынесение вердикта, то он таков: Рорти внес значительный вклад в популяризацию хайдеггеровской философии в США. Также Рорти заимствовал некоторые идеи Хайдеггера в свою систему, выступив, фактически, первым аналитическим философом, который стал разделять учение о *Dasein*. Однако Рорти все-таки не хайдеггерианец. Рорти – прагматист. В духе своего учения он заимствует у Хайдеггера лишь то, что считает нужным, не разделяя самого существенного – метода Хайдеггера. Методы Рорти коренятся в области прагматизма и лингвистической философии. В сущности, Рорти – радикальный витгенштейнианец, в том числе и в отношении неприятия трансцендентальных подходов в философии. Гораздо лояльнее Рорти относится к «герменевтической» составляющей Хайдеггера, но, пожалуй, Рорти остается совершенно «глух» и к онтологии, и к «голосу проселка», и к мысли досократиков.

Но это еще не конец нашей работы. Исследование, хотя и посвящено тому, какова рецепция Рорти по отношению к Гегелю и Хайдеггеру, должно учитывать еще один важный план, который следует иметь в виду, а именно: оценку идей Гегеля самим Хайдеггером, особенно в понимании историко-философских вопросов. Хотя мнение о том, что Хайдеггер является гегельянцем, не лишено своих оснований, можно допустить и обратное: присутствуют такие положения Хайдеггера об истории философии, которые *несовместимы* с положениями Гегеля.

Наиболее явственно расхождение намечается по поводу трактовки возникновения и развития философии в Древней Греции. Здесь можно предоставить слово Хайдеггеру, который пишет: «Гегель определяет как цель философии “истину”. Истина достигается лишь на ступени завершения. Ступень греческой философии остается “еще не” <...> Разве над началом пути философии у Парменида не возвышается “алетейя”, истина? Почему Гегель не дает ей слова? Он понимает под “истиной” нечто другое, чем непотаенность? Несомненно. Истина для Гегеля есть абсолютная достоверность знающего себя абсолютного субъекта. Для греков же, согласно его изложению, субъект еще не проявляется как субъект» [8, с. 387]. Озвученная Хайдеггером в статье «Гегель и греки» критическая мысль сама по себе достойна стать объектом серьезного исследования. Мы же не должны терять из виду Рорти; поэтому остановимся на сути критики Хайдеггера. Для него Гегель ошибочно видит начало философии как *зачаточную* стадию всеобщего историко-философского процесса. По Гегелю, гениальные суждения, высказанные греками, были ими еще *не осознаны*, то есть не получили своего объективного обоснования. Поэтому начало философии, хотя и содержит в себе всю последующую философию, выступает «только началом», зародышем все более усложняющейся и развивающейся формы. Для Хайдеггера дело обстоит иначе. Для него начало философии *уже* содержит в себе истину в ее «непотаенности» и полноте. Этого не понимает Гегель. «Когда Гегель видит в бытии “неопределенное непосредственное”, он понимает его как полагаемое определяющим и познающим субъектом. Поэтому он *не* может бытие в греческом смысле высвободить из отнесенности к субъекту и отпустить в его собственное существо», - считает Хайдеггер [8, с. 389].

Таким образом, по Хайдеггеру возможно не развитие античной философии, а *приобщение* к ней, а через нее – к подлинному отношению между бытием человека и мира, которое является непотаенностью и позволяет обрести «алетейю». В понимании истории философии у Хайдеггера есть вполне гегельянская, диалектическая триада, но она выглядит так:

Тезис: обретение истины в истоке философии в античности;

Антитезис: забвение бытия в круговороте пред-ставляющей философии Нового времени;

Синтез: преодоление забвения бытия, возвращение человека к истокам через «поэйсис».

Наличие ретроспективного характера и представление о свершившейся полноте истины позволяют допустить, что историчность Хайдеггера не может быть названа «*историей*» в гегелевском смысле слова. Это менее всего напоминает прогрессивное развитие через смену эпох. Хайдеггер не зря утверждает, что: «Нынешний ренессанс Гегеля: господствующее мышление затруднительно извлекать из-под мельничных жерновов диалектики. Эта мельница работает теперь только вхолостую, потому что отброшена основополагающая позиция Гегеля – его христианско-теологическая метафизика, - лишь в ней одной стихия и опора гегелевской диалектики» [9, с. 293]. Верной метафорой для понимания истории у Хайдеггера, на наш взгляд, будет не понятие развития, а понятие *пути* – будь это путь забвения бытия или путь его припоминания. История философии оказывается высеченной всего лишь в двух великих формах, одна из которых подлинная, а другая радикально ошибочная. Подобная ангажированность Хайдеггера позволила Рорти усмотреть *маргинальный* характер в его истории философии. Не принимая всерьез онтологизм Хайдеггера и совершенно не понимая, как бытие может само по себе манифестировать свою истинность через *Dasein*, Рорти видит в Хайдеггере ярчайшего «представителя модерна», который, бросив вызов академической традиции и Гегелю,

подчиняет историко-философский процесс одной-единственной доминанте – идеям того исторического периода философии, которые *сам Хайдеггер* считает свершением истины.

Наше исследование подошло к концу. Рорти – один из самых ярких представителей неклассической философии; поэтому по его поводу вряд ли уместны «выводы». Скорее мы подошли к открытым вопросам, на которые следует искать ответы уже не у Рорти. Можно ли аналитическому философу стать гегельянцем и хайдеггерианцем? Нам следует считаться с тем, что феномен Рорти, равно как поворот аналитической философии в сторону континентальных идей, – уже свершившийся факт. Другое дело, что допустимо критиковать Рорти за то, что он заимствует лишь те аспекты учений Гегеля и Хайдеггера, которые импонируют его философии, которая в своих основаниях, имеет аналитические, лингвистические, прагматистские истоки, а также остается чуждой и враждебной свойственной немецким классикам духу трансцендентальной философии. Рорти не зря ставит себя рядом с Деррида. В духе постмодерна то, что он делает с идеями Гегеля и Хайдеггера, нельзя назвать ни «заимствованием», ни «критикой», ни «развитием», ни даже «комментарием». При кажущейся «поверхности» Рорти строго следует постмодернистскому методу *переописания*. Ведь в той традиции, к которой причисляет себя Рорти философия понимается уже не как наука, а как форма интеллектуальной литературы с допущением для автора практически неограниченной власти над дискурсом.

Проведенное исследование показало, что для аналитического философа затруднительно быть последователем Гегеля и Хайдеггера не только вследствие чуждости их философии, но и по той причине, что между Гегелем и Хайдеггером пролегает несопоставимость, особенно в области понимания истории философии. Истории философии Гегеля и Хайдеггера зачастую несовместимы, особенно если их прививать к другим учениям. Однако в столь упорном помещении рядом Гегеля и Хайдеггера, которое осуществляет Рорти, есть один важный и позитивный момент. При взгляде «со стороны», «с того берега», с позиций аналитической философии, между Гегелем и Хайдеггером обнаруживается особое *родство*, которое не столь заметно, если мы присутствуем на немецкой философской сцене.

Литература

1. Никоненко С.В. Эйдос и концепт. Эпистемологические основания символизма в метафизике, истории, искусстве. СПб.: Изд-во РХГА, 2017.
2. Рассел Б. Мудрость Запада. – М.: Республика, 1998.
3. Рокмор Т. Маркс после марксизма: философия Карла Маркса. - М.: Канон+, 2011.
4. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
5. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и реификация языка // Мартин Хайдеггер: Сборник статей. - СПб.: Изд-во РХГИ, 2004.
6. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. - М.: Канон+, 2017.
7. Фридман М. Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер. - М.: Канон+, 2021.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.
9. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: «Гнозис», 1993.

10. Ayer A.J. Memorial Essays / Ed. By A.P. Griffiths. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.